

Месяц, месяц! Друг старинный!
 Унеси из грязи этой
 Чистоту моей невинной
 Грустной песни недопетой.
 Все равно никто не слышит,
 Ничье сердце не забьется.
 Только песня тише, тише —
 Уж никто не отзовется...
 Лишь в кустарнике в низине
 Ветер листьями играет,
 Пламя губ моей любимой
 Гасит женщина другая...
 Боль, тоска... Ах, месяц, месяц!
 Моей песни, знать, не слышишь!
 Что молчишь ты, тихо свесясь
 Над угрюмой, мрачной крышей?

ТЕБЕ СТИХАМИ НЕ ПОМОЧЬ...

Хотела быть похожей ты
 На бизнес-леди модную,
 Когда я ужином простым
 Кормил тебя, голодную...

В то время смена строя шла
 По судьбам человеческим,
 Ты в нищете тогда росла,
 Сиротством искалечена!

Ты лихолетья злого дочь —
 Обманщица манерная!

Тебе стихами не помочь,
И потому так скверно мне!

Я в той разрухе стал болеть-
Впал в пьянство ошалелое,
Свой выбор — пить или же петь? —
Все ж в пользу песен сделал я!

Я легкой жизни не ищу —
Промчались дни «раздольные»!
Хочу помочь тебе — тащу
Тебя из бездны вольной я!

Но ты исчезнешь снова в ночь,
Обманщица манерная!
Тебе стихами не помочь,
И потому так скверно мне!

Я терпеливо, долго ждал —
Похоже, разуверился,
Что полумертвая душа
Бродяжки все ж затеплится...

Я в детстве, помню, птиц любил —
Осталось чувство горечи:
Больную птицу я лечил,
Но все ж не смог помочь я ей!

Ты лихолетья злого дочь
Обманщица манерная!
Тебе стихами не помочь,
И потому так скверно мне!

ЖУРАВУШКА

*Вдали от солнца и природы,
Вдали от жизни и любви
Мелькнут твои молодые годы,
Мечты развеются твои...*

Ф. Тютчев

Вдоль дорог — березы да осины,
В городе российском небольшом
Журавлева родилась Галина
С чуткой и ранимою душой.

Выросла — шалунья, непоседа,
Вышла замуж, родила детей,
Осенью, волнуясь, глядя в небо,
Провожала взглядом журавлей...

И помчались годы чередой —
Кухня, дети, муж, работа, дом,
Не грозило ей ничто бедою,
Отдых от работы — на потом!

Но душа ее в житейской клетке,
Маясь в «канареечном раю»,
Заметалась вдруг на тесной ветке,
Вспомнив про фамилию свою...

Сердце стала боль шальная тискать,
Биться в тесной клетке все сильней,
Не понять друзьям ее и близким:
Клетки — это не для журавлей!

Вдруг свершится то, что невозможно —
Женщина крылами вдруг взмахнет!
Как бы испугал рожденных ползать
Несанкционированный взлет!

Сказка никогда не станет былью,
Как укор несбывшимся мечтам —
Женских душ обломанные крылья,
Тихие рыдания по ночам...

В тютчевском трагизме строчек вещей,
В памяти, всевластной надо мной
Вижу схожесть судеб русских женщин
Я с судьбою матери родной...

Снова память болью отзовется!
Ты прости, моя родная мать,
Я боюсь, что сердце разорвется,
Когда стану о тебе писать!

У ИЗЛУЧИНЫ ДОНА

*Моему отцу
колхозному бригадиру-полеводу,
под седлом у которого много лет
ходил гнедой конь Малыш*

Возведенного храма колокольные звоны
У излучины Дона снова радуют слух,
Говорила мне мать — был младенцем крещен я,
Очень громко орал и смущал Божьих слуг...

Все же кажется мне — благодати мгновенья
Слышу с берега я в каждом плеске волны.
Вновь целебная сила колокольного пенья
Лечит души заблудших Великой страны...

В небе трепет звезды — тихий вечер в Придонье,
От реки я уйду напрямиком на большак,
Там внамет по стерне, упиваясь раздольем,
Меня в детстве в седле нес отцовский дончак!

Его кличку — «Малыш» — никогда не забыть мне,
Свежий ветер в лицо — было все как вчера!
Как донская вода, утекло плавно время,
Вот и вечер пришел — далеко до утра...

Нервы я ублажу, по полям прогулявшись,
И, гитарой взмахнув, как крылом за спиной,
Ни Придонье свое, ни себя не предавший,
С просветленной душой прошагаю домой...

Колокольные звоны у излучины Дона
К возведенному храму я послушать приду,
Чтоб смотреть на закат у реки отрешенно,
Отдохнуть от тревог и от тягостных дум!